

У $\frac{318}{243}$

ЮАННЪ ВЫШЕНСКІЙ.

(ЮЖНО-РУССКІЙ ПОЛЕМИСТЪ XVII В.).

Н. Э. СУМЦОВА.

Издание редакци „Кіевской Старины“.

К И Е В Ъ .

1885.

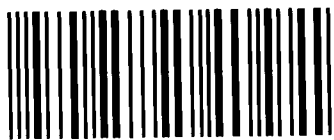
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., соб. домъ.

~~70291~~
10

Handwritten scribble

СОДЕРЖАНИЕ.

Оцѣнка научныхъ и литературныхъ дѣятелей. — «Посланія» Іоанна Вышенскаго. — «Зачапка» Христофора. — Жизнеописаніе Іоанна Вышенскаго. — Пессимизмъ. — Остатки языческихъ обрядовъ въ Малой Россіи. — Ереси. — Вліяніе еретиковъ на православныхъ. — Неуваженіе къ конамъ и кресту. — Насмѣшки надъ монахами. — Полемика съ латино-уніатами. — Латинская гордость. — Польское хвастовство старожитностью. — Король. — Папы. — Владыки. — Горожане и крестьяне. — Латино-уніатская наука. — Идеалы Іоанна Вышенскаго. — Греко-славянская школа. — Церковно-славянской и малорусской языки. — Характеристика личности Іоанна Вышенскаго. — Полемическій тонъ. — Языкъ.

2007080024

И $\frac{318}{243}$

18988-45

ЮАННЪ ВЪШЕНСКІЙ.

(Южно-русскій полемистъ начала XVII ст.).

«Всякій человекъ рано или поздно ~~по~~падаетъ на свою па-
лочку»,—говорилъ В. Г. Бѣлинскій. Изреченіе вѣрное. Важное,
однако, значеніе имѣетъ то обстоятельство, когда и при какихъ
условіяхъ происходитъ распредѣленіе дѣятелей науки, литературы
и искусства по историко-культурнымъ полкамъ. Однѣ знаменитости
забыты быстро и навсегда. Историкъ не оставаивается надъ ми-
шурными величіями. Интереснымъ въ данномъ случаѣ представляется
лишь рѣшеніе вопроса, какова была общественная среда и условія
быта, вызвавшія появленіе ложныхъ и беспочвенныхъ знаменитостей
на попріи общественной или литературной дѣятельности, что вы-
двинуло ихъ на высоту, что дало имъ имя и извѣстность. Многіе
дѣятели проходятъ свое жизненное попріе скромно, безъ шума,
безъ прославленія. Слава ихъ вырастаетъ впоследствии при безпри-
страстной исторической оцѣнкѣ. Жаль только, что правильная оцѣнка
таланта бываетъ иногда слишкомъ поздней, настолько поздней, что
дѣлается очевиднымъ, какъ много потеряла извѣстная общественная
среда, что по тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ, по собственной ли
культурной отсталости или по причинѣ вѣшнихъ давленій и тор-
мазовъ, своевременно не оцѣнила вышедшій изъ нея глубины талантъ
и не воспользовалась плодами его духовной дѣятельности. Любопыт-
нымъ явленіемъ въ исторіи культуры представляется то обстоятель-
ство, что нѣкоторые общественные и литературные дѣятели при

своей жизни пользовавшіеся среди современниковъ почетной извѣстностью, потомъ въ водоворотѣ событій были забыты. Въ теченіе десятилѣтій, даже столѣтій длится забвеніе. Впоследствии потомство отдастъ должное давнопрошедшему дѣятелю, извлекаетъ дорогое имя изъ забвенія и, стряхнувъ пылъ съ драгоценныхъ литературныхъ произведеній, разъяспяетъ скрывавшіеся въ нихъ элементы любви къ истинѣ, правдѣ и добру.

Южно-русскій писатель начала XVII ст. Іоаннъ пзъ Вышніи входитъ въ разрядъ временно забытыхъ. Среди современниковъ онъ пользовался извѣстностію и уваженіемъ. Лучшие люди Малороссіи дорожили имъ. Его выдвигали, какъ энергическаго, умнаго и образованнаго защитника православнаго южно-русскаго народа отъ нападений латинно-уніатовъ, пановъ и епископовъ. Ближайшее потомство его забыло. Два съ половиною вѣка длилось это забвеніе, рѣшительное и полное. Лишь въ послѣднія два десятилѣтія люди науки выдвинули имя Іоанна Вышенскаго и его сочиненія на видное мѣсто въ исторіи южно-русской литературы.

Въ 1865 г. археографическая коммисія издала второй томъ Актовъ, относящихся къ исторіи южной и западной Россіи. Сюда вошли акты отъ 1599 до 1637 г. Въ концѣ тома помѣщено четыре сочиненія афонскаго монаха Іоанна Вышенскаго и одно сочиненіе іеродіакона печерскаго монастыря Леонтія о церковно-общественныхъ пестроеніяхъ въ южной Россіи. Эти сочиненія извлечены были изъ рукописи, хранящейся въ императорской публичной бібліотекѣ, писанной бѣлорусскимъ полууставомъ въ концѣ XVII в., въ 4-ку, на 203 листахъ. Іоанну Вышенскому принадлежатъ:

1) *Посланіе ко князю Василію Острожскому и ко остальнымъ православнымъ христіанамъ въ Малой Россіи*, стр. 205—224. Здѣсь говорится о римско-католической гордости, даются совѣты объ очищеніи церкви отъ «прелестей и забобонъ еретическихъ» и предлагается подробное объясненіе значенія инокескаго сапа, инокеской жизни и въ особенности инокеской одежды.

2) *Посланіе ко остальнымъ православнымъ жителямъ юго-западной Руси и Польско-Литовскаго королевства*, стр. 224—227. Здѣсь находится краткое перечисленіе церковно-общественныхъ нестроевій, обличеніе владыкъ и пановъ въ отступничествѣ отъ вѣры, въ корыстолюбіи и роскоши и приглашеніе пробиваться въ царство

небесное путемъ терпѣнія и благочестія, не возлагая надеждъ на епископовъ.

3) *Посланіе къ митрополиту и епископамъ юго-западной Руси, принявшимъ унию*, стр. 227—254. Въ этомъ обширномъ посланіи находится строгое обличеніе епископовъ отступниковъ въ корыстолюбіи, роскоши, жестокости, гордости, превышеніи власти, доказываεται право мірянъ осудить измѣнившихъ вѣрѣ духовныхъ лицъ, оправдываются мѣры патріарха Іереміи, направленныя къ ограниченію епископской власти нравственнымъ контролемъ со стороны церкви, и подтверждается случившееся въ одной православной церкви чудо, что при совершеніи въ ней латинской «мши» во время таинства евхаристіи вино обратилось въ воду. Въ подтвержденіе этого чуда вставленъ довольно длинный разсказъ о нападеніи латинцевъ на афонскую гору слѣдующаго содержания: одни монастыри защищались, изъ другихъ монахи разбѣгались по лѣсамъ; въ одномъ монастырѣ привѣтливо приняли католиковъ, приняли католицизмъ и стали служить латинскую обѣдню; во время этого служенія упали стѣны: латинцы, увидѣвъ это знаменіе гнѣва Господня, поспѣшили удалиться.

4) *Сочиненіе о заблужденіяхъ римской вѣры*, стр. 254—270. Здѣсь находится опредѣленіе прелести и мудрости змѣиной и отверженіе латинскаго ученія *de Filioque*, древности римской церкви, главенствѣ папы и чистилищъ.

Въ 1883 г. С. Т. Голубевъ въ приложеніяхъ къ первому тому своего изслѣдованія о Петрѣ Могилѣ помѣстилъ «*Зачапку мудрого латынника съ мудрымъ русиномъ въ диспутацию*» афонскаго прока Христофора. «Зачапка» извлечена издателямъ изъ рукописи кievской духовной академіи. Составлена она въ началѣ XVII столѣтія. Имя автора Христофоръ мы считаемъ псевдонимомъ, подъ которымъ скрывается Іоаннъ Вышенскій. Доказательства находятся въ самой «Зачапкѣ». Предметы сужденія въ посланіяхъ Вышенскаго и въ «Зачапкѣ» сходны, иногда тождественны. То, что въ посланіяхъ изложено особенно усердно и страстно, въ чемъ обнаруживается личное чувство автора, и въ «Зачапкѣ» изложено съ увлеченіемъ, бойко, оживленно. Въ языкѣ «Зачапки» и посланій крайнее сходство; конструкція фразъ, словесные обороты, сложеніе словъ,—все это чрезвычайно сходно; попадаются тождественныя

риторическія фігуры вопроса и отвѣта: «а то чомъ?—для того»... «а то якъ и для чего? для того»... тождественныя фігуры заключенія мысли: «о семь доздѣ», тождественныя эпитеты и характеристики предметовъ: «коварная діалектика, поганскій краспомовный Аристотель, мистръ и мудрецъ прелестнаго вѣка сего (дьяволъ), глупая Русь, мудрый латыиниче» (въ проиическомъ смыслѣ). Псевдонимъ въ данпомъ случаѣ могъ возникнуть или по чувству само-сохраненія или изъ желанія автора выразить однимъ словомъ свою близость къ источнику всякой истины и правды—Христу, вѣроятнѣе, изъ послѣдняго побужденія. Іоаннъ Вышенскій былъ человекъ не робкій. «Не для далекости отъ васъ будучи, писалъ онъ латиноушіатамъ, я правду смѣле мовлю и правдою васъ постпгаю, але за правду и умерети изволяю». «Зачанка» — одно изъ самыхъ большихъ посланій Іоанна. Въ книгѣ г. Голубева она занимаетъ стр. 67—108. Достоинства этого памятника—содержательность и сила. Но ясности и простотѣ изложенія «Зачанка» темного уступаетъ «Посланіямъ», нужно думать, по той причинѣ, что автору пришлось тутъ вдатся въ богословскія разсужденія болѣе обширныя и сложныя, чѣмъ тѣ разсужденія, которыя находятся въ «Посланіяхъ».

Кромѣ четырехъ «Посланій» и «Зачанки» Іоанну Вышенскому, по свидѣтельству архіепископа Филарета, принадлежатъ еще: 1) *Наставленіе въ благочестіи стариць Домнижи* и 2) *Позорище мысленное* (Обзоръ I. 244; ссылка на рукопись Царскаго № 486). Можно думать, что поименованными сочиненіями Іоанна не ограничивается его литературное достояніе. Можно думать, что въ теченіе ⁷⁷⁴четырехъ столѣтій нѣкоторыя сочиненія Іоанна Вышенскаго погибли. Такъ, авторъ «Зачанки» въ одномъ мѣстѣ говоритъ, что онъ послалъ въ южную Русь три цвѣточка: 1) «Древо зовомое разумное, философія не поганскаго учителя Аристотеля, але право-славныхъ Петра и Павла; 2) Церковцу, въ которой о' учтивости оной короткимъ письмомъ изображепо есть и 3) Маленькую пѣсеньку церковную». Цвѣточки эти не сохранились до настоящаго времени. Предлагая православнымъ издать «Соборникъ», Іоаннъ писалъ: «дайте намъ гласъ и поможемъ вамъ своимъ трудомъ на тое дѣло»... Какъ предложеніе Іоанна Вышенскаго было принято, и трудился-ли онъ по этому дѣлу—неизвѣстно.

Краткія замѣчанія, въ нѣскольکو строкъ, объ Іоаннѣ Вышенскомъ находятся въ I томѣ «Обзора», въ III томѣ «Историческихъ Монографій» Н. И. Костомарова, въ «Исторіи возсоединенія Руси» г. Кулиша, во II томѣ «Изученіе византійской исторіи» Ф. А. Терновскаго, въ концѣ X тома «Исторіи Россіи» С. М. Соловьева, въ «Приложеніяхъ» г. Голубева къ I тому сочиненія о Петрѣ Могилѣ, въ сочиненіи г. Завитневича о «Палиподіи». Большая статья С. Л.—ва объ Іоаннѣ Вышенскомъ напечатана была въ «Подольскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» 1875 г., №№ 15, 17—21. Мы не могли достать этой статьи. Заимствовавъ два біографическія извѣстія у Терновскаго и г. Голубева, мы все свое изслѣдованіе построили на «Посланіяхъ» и «Зачанкѣ», преимущественно на «Посланіяхъ» Іоанна Вышенскаго.

Іоаннъ родомъ галичанинъ изъ мѣстечка Вышня, землякъ и современникъ Сагайдачнаго. Гдѣ онъ получилъ образованіе, гдѣ постригся въ монашество—вопросы открыты. Документальныя памятники не даютъ на нихъ отвѣта. Изъ сочиненій Вышенскаго легко убѣдиться, что онъ свой сильный отъ природы умъ развилъ чтеніемъ сочиненій отцовъ и учителей церкви, въ особенности чтеніемъ книгъ св. писанія. Постриженіе въ монашество и удаленіе на аопскую гору произошло въ концѣ XVI ст. Дѣлая мпходомъ замѣчаніе объ одномъ чудѣ, бывшемъ вскорѣ послѣ брестскаго собора, Іоаннъ замѣчаетъ: «самъ на той часъ у нашихъ краевъ пѣсмъ былъ». Неизвѣстныя обстоятельства, вѣроятно, недовольство господствовавшими на родинѣ порядкамъ, привели Іоанна на Аeonъ. Отсюда онъ посылалъ южно-русскому народу и магнатамъ суровыя и краснорѣчивыя посланія. Аeonъ былъ какъ нельзя болѣе подходящимъ мѣстомъ жительства для малоросса эмигранта XVII ст. Православный малороссіянинъ-аеонитъ могъ сохранять самыя тѣсныя связи съ православнымъ украинскимъ народомъ, получать вѣрныя свѣдѣнія о событіяхъ въ родномъ краѣ, безпрепятственно изучать греческую и славянскую церковную науку и паносить латино-уніатамъ тяжелые полемическіе удары, не подвергаясь опасности встрѣтити со стороны противниковъ гоненіе или покушеніе на жизнь. Вышенскій, повидимому, превосходно воспользовался благопріятными условіями пребыванія на Аeonѣ. Онъ внимательно слѣдилъ за церковно-общественнымъ движеніемъ въ южной Руси начала XVII ст. и

своевременно сдѣлать нѣсколько весьма важныхъ разъясненій за-
путавшихся религіозныхъ дѣлъ. Признавая въ Іоаннѣ Вышепскомъ
религіозно-политическаго эмигранта, нельзя однако, не замѣтить,
что ему не было закрытъ доступъ въ Украину. Сколько-бы враговъ
ни было у Іоанна, враговъ по религіознымъ вѣроваціямъ, по полити-
ческимъ и соціальнымъ принципамъ, никто не могъ лишить его
возможности по временамъ являться въ Малороссію и живымъ сло-
вомъ, личнымъ влияніемъ укрѣплять впечатлѣніе, произведенное по-
славіями. Польско-турецкія граицы были очень неопредѣленны,
шатки, и никто ихъ не оберегалъ въ смыслѣ воспрепятствованія
перехода въ предѣлы польскаго государства лицъ вредныхъ или
почитаемыхъ за вредныхъ. Въ южно-русскомъ обществѣ паходилась
люди разнообразныхъ вѣрованій и убѣжденій, люди притомъ па-
столюко сплыные и могущественныя, что на ихъ покровительство и
защиту можно было вполне положиться. Іоаннъ Вышепскій при-
ходилъ съ Аѳона въ Украину, на что имѣется весьма цѣнное указа-
ніе въ житіи Іова Княгиницкаго, составленномъ современникомъ
Іоанна Вышепскаго іеромонахомъ Ігнатіемъ изъ Любарова. Говора
о томъ, что знаменитый подвижникъ Іовъ Княгиницкій построилъ
въ Галиціи скитъ, іеромонахъ Ігнатій замѣчаетъ, что «въ той часъ
(въ началѣ XVII ст.) отецъ Іоаннъ Вышепскій, другъ его, отъ
святыя горы прійде и поживъ съ ними нѣсколько времени». При
этомъ іеромонахъ Ігнатій отзывается объ Іоаннѣ Вышепскомъ та-
кимъ образомъ: «бѣше бо и той зѣло любя безсловіе и святъ бѣ
мужъ и трудолюбець, яко же и отъ многихъ слышится» (Голуб.,
прилож. 229). Эта любовь къ пнческому аскетизму не давала
Іоанну возможности остаться въ Малороссіи, влекла его на таин-
ственный Востокъ, на Аѳонъ; Іоаннъ Вышепскій, повидимому, не
долго пробылъ въ Малороссіи. Онъ снова удалился на Аѳонъ; со-
боръ кіевскій 1621 г. опредѣлялъ: «послать на аѳонскую гору, вы-
звать и привести преподобныхъ мужей русскихъ, въ томъ числѣ
блаженныхъ Кириана и Іоанна, прозваліемъ Вышепскаго, и про-
чихъ, тамъ паходящихся, процвѣтающихъ жизнью и богословіемъ»
(Герпов., II, 24). Это соборное постановленіе показываетъ, гдѣ луч-
шіе южно-русскіе люди 20 годовъ XVII ст. искали духовной под-
держки и просвѣщенія, въ чемъ они усматривали источникъ муд-
рости, куда склонялись ихъ симпатіи. Нужно пожалѣть, что вскорѣ

вторглась въ южно-русскую науку чуждая ей римско-католическая схоластика, мало по малу заглупившая хорошіе всходы національной украинской письменности на греко-славянскихъ началахъ. Быть можетъ, званые не пришли; быть можетъ, они во вредъ родному краю добровольно похоронили себя въ крайнемъ аскетизмѣ и безмолвіи; быть можетъ, ихъ было недостаточно... А жизнь не ждала; потребность борьбы съ врагами вѣры и народности была слишкомъ велика, и черезъ десять лѣтъ пришлось уже схватиться за кievскую коллегію, какъ за наиболѣе подходящее орудіе религіозной борьбы и самозащиты. Какъ-бы то ни было, историческіе памятники ничего болѣе не говорятъ объ Іоаниѣ Вышенскомъ, и остается неизвѣстнымъ, пошелъ-ли онъ по призыву кievскаго собора на родину и здѣсь кончилъ свои дни, или отказался отъ всѣхъ мірскихъ дѣлъ и скончался на Афонѣ въ безмолвіи и неизвѣстности. Можно думать, что Іоаннъ Вышенскій всецѣло ушелъ въ безмолвіе и въ молитву, отказался на старости лѣтъ отъ всего, даже отъ горячо имъ любимой православной Руси. Войти въ сдѣлку съ міромъ онъ не могъ. Онъ былъ черезчуръ строгъ, слишкомъ требователемъ. При сильной любви къ родинѣ, при высокомъ патриотизмѣ, Іоаннъ Вышенскій былъ пессимистъ. Прилагая къ дѣйствительной жизни строгую нравственную мѣрку, онъ открывалъ въ современникахъ всеобщій упадокъ духовной жизни, крайнее развращеніе, и горевалъ, страдалъ за угнетенныхъ, рвалъ въ куски и давилъ своимъ чоботомъ угнетателей, ни мало не смущаясь тѣмъ, что подъ его «невытертымъ черевичищемъ» оказывались пана, король, епископы, свѣтскіе магнаты.

Мрачное, пессимистическое воззрѣніе Вышенскаго на южно-русское общество обнаруживается во многихъ мѣстахъ посланій. «Поеретничѣхомъ вси обитальници Малой Россіи, писалъ онъ въ посланіи къ кн. Острожскому, и отъ Бога устранихомся далече къ невѣрію и зло житіе припрагани». Въ другомъ мѣстѣ того-же посланія онъ обращается къ малороссіянину съ упрекомъ: «Русине, бывший благочестивый христіанинъ прежде и цѣломудрець, съ ляхи живущій пылъ одѣтигълъ еси и раздѣлился». Съ особенной силой Іоаннъ обличаетъ южно-руссовъ въ посланіи своемъ ко всѣмъ православнымъ жителямъ юго-западной Руси и польско-литовскаго королевства: «Отъ главы и до ногъ остригѣли есте, отъ пачальникъ, отъ священникъ и до простыхъ онечистѣли есте, осмрадиѣли есте

гноемъ міролюбія; образъ Божій огнюли есте; нѣсть мѣста цѣлаго отъ грѣховнаго недуга,—все струпъ, все рана, все пухлина, все гнилство, все огонь пекельный, все болѣзнь, все грѣхъ, все неправда, все лукавство, все хитрость, все коварство, все кознь, все лжа, все мечтаніе, все сѣнь, все пара, все дымъ, все суета, все тщета, все привидѣніе; сущее-же нѣсть ничтоже, пѣсть гдѣ плястра приложити на исцѣленіе пѣкоея части,—все смертоносный грѣхъ, все пекломъ, адомъ и гееною вѣчною смердитъ».

Обличая южно-руссозъ въ упадкѣ духовной жизни и въ размноженіи грѣховъ, Іоаннъ Вышенскій въ посланіи къ православнымъ жителямъ юго-западной Россіи замѣчаетъ: «Озпаймую вамъ, яко земля, по которой погамн вашими ходите и въ ней-же въ жизнь сію рождешіемъ произведени есте и нынѣ обитаете, на васъ передъ Господомъ Богомъ плачетъ, стогнетъ и вопіетъ, просячи Сотворителя, яко да пошлетъ серпъ смертный, серпъ казни погубительной, яко-же древле на содомляпы, и всемірнаго потоцу, который-бы васъ погубити и искоренити могъ, изволяючи ленше пуста въ чистотѣ стояти, нежели вашимъ безбожествомъ паселена и беззаконными дѣлы осквернена и запустошена». Подобнаго рода сѣтованіе земли на челоуѣчество за его грѣхи встрѣчается въ апокрифахъ, откуда оно проникло въ духовные стихи. Нельзя, однако, съ достовѣрностію сказать, имѣлъ-ли Іоаннъ Вышенскій подъ руками извѣстный апокрифъ съ сѣтованіемъ земли, или воспользовался имъ случайно по памяти, вспомнивъ кстати то, что давнымъ давно было прочитано, или наконецъ, воспользовался апокрифическимъ сѣтованіемъ земли, какъ общимъ мѣстомъ, страпствующимъ благочестивымъ рассказомъ, независимо отъ того апокрифическаго цѣлаго, изъ котораго онъ взялъ. Извѣстно, что подобнаго рода поэтическія мѣста апокрифовъ превращались въ отдѣльные рассказы и духовные стихи, которые путемъ письменной и устной передачн свободно страпствовали въ народѣ, вполне удовлетворяя его набожности и благочестію.

На вопросъ о томъ, какія явленія южно-русской жизни представлялись Іоанну наиболѣе порочными и дурными, отвѣтить легко; это прежде всего и болѣе всего явленія религіозно-правственной жизни народа и затѣмъ стояція отъ нихъ въ зависимости явленія соціальныя. Въ эпоху пайбольшаго возбужденія религіозныхъ споровъ, сильнаго проявленія, можно сказать, рѣшительнаго господства

въ пародной жизни религіозныхъ вѣроисповѣдникъ началъ, а такой эпохой было XVII столѣтіе, вниманіе Іоанпа Вышенскаго естественно болѣе всего было обращено на поддержку православія и на устраненіе постороннихъ, противныхъ православію вѣрованій народа. Опъ боролся съ остатками язычества, съ ересями и въ особенности съ латинствомъ и упіей.

Такіе глубоко укоренившіеся въ народѣ языческіе праздники, какъ Коляда и Купало, такія языческія формы жертвоприношенія и славословія, какъ щедривки, волочebныя пѣсни, поминальные пироги вызывали въ Іоанпѣ негодованіе и суровое слово обличенія. Въ посланіи къ князю Острожскому находится любопытный перечень южнорусскихъ праздниковъ и обрядовъ языческаго характера.

«Коляды зъ мѣсть и сель ученіемъ выжепѣте; не хочеть бо Христось, да при Его рождествѣ дьявольскія коляды мѣсце мають, але нехай собѣ ихъ въ пропасть свою занесеть.

Щедрій вечеръ изъ мѣсть, изъ сель въ болота заженѣте, нехай зъ дьяволомъ сѣдять, а не съ христіанъ ся ругаетъ.

Волочельное по Воскресеніи, зъ мѣсть и зъ сель выволокси, утопите. Не хочеть бо Христось при своемъ славномъ Воскресеніи того смѣху и руганя дьявольскаго имѣти.

На Георгія мученика праздникъ дьявольскій на поле ишедшихъ сатанѣ офѣру танцами и скоками чинити разорѣте; гнѣваетъ бо ся на землю вашу Георгій мученикъ, што не мать христіанина православнаго, которій ругане тое дьявольское очистити и изгнати моглъ.

Пироги и яйца надгробные въ Острозѣ и гдѣ бы ся знаходило упраздпѣте, да ся въ христіанствѣ тотъ квасъ погальскій не знаходитъ.

Купала на Крестителя утопите и огненное скаканіе отсѣчете; гнѣваетъ бо ся Креститель на землю вашу, што ся на день памяти его попускаете дьяволу ругатися вами зъ васъ же ся самыхъ.

Петръ и Павелъ молятъ васъ, если хочете отъ нихъ ласку мѣти, да потребите и поपालте колыски и шибеници, на день ихъ чиненыя на Воляню и Подолу, и гдѣ бы ся только тое знаходити мѣло; мерзко бо имъ на землю съ небеси смотрѣти на тое дьявольское позорище, христіанскимъ людямъ збираючися».

Не мало Іоаннъ Вышенскій заботился о томъ, чтобы малороссіяне не «раздирали церковь мнѣніемъ... прилагоюще отъ своего

умысла что или отымающе безстудіемъ». Онъ стремился очистить церковь отъ «прелестей и забобовъ еретическихъ». Еретическихъ «забобовъ» въ его время было много въ юго-западной Россіи. Сюда проникло раціоналистическое ученіе Фауста Социна, требовавшее для разума полного простора въ объясненіи священнаго писанія, отвергавшее божественность Иисуса Христа, иѣкоторыя таинства и многіе обряды. Цвѣтущимъ періодомъ социніанства было время отъ 1585 до 1638 г., т. е. какъ разъ то время, когда жилъ Іоаннъ Вышепскій. Социніанскія общины были во многихъ городахъ Литвы и южной Россіи. Гнѣздомъ польско-литовскаго социніанства былъ городъ Раковъ, гдѣ находилась социніанская церковь, школа и типографія. Социніанство распалось на многіе толки. Въ одномъ посланіи Іоаннъ указываетъ на разнообразіе религіозныхъ вѣроисповѣданій въ южной Россіи въ началѣ XVII ст. «Овъ бо зовется папешникъ; овъ зась пыѣ зъ евангелія вылѣзъ—евангелиста; овъ зась недавно выкрещеный; овъ зась—субботникъ». Вліяніе раціоналистическимъ сектъ въ Малороссіи было настолько сильно, что въ однихъ случаяхъ происходилъ открытый и рѣшительный переходъ въ секту, въ другихъ возникало равнодушное отношеніе къ православію, соблюденіе его внѣшней обрядовой сторопы, да и то не всегда. Въ силу религіознаго индифферентизма, изъ опасенія подвергнуться насмѣшкамъ иновѣрцевъ, православные уклонялись отъ поклоненія иконамъ, въ особенноти отъ поклоненія кресту. Іоаннъ находилъ необходимымъ напомнить своимъ соотечественникамъ: «Иконное поклоненіе съ учтливостію почитайте, и въ домѣхъ, гдѣже пребываете, образъ Матери Божія съ предвѣчнымъ ея Младенцемъ на стѣпахъ въ концѣ трапезы вашае пригвоздите. Крестомъ Христовымъ, до церкви пришедши, креститесь,—не соромѣте. Або вѣмъ, пыѣ христіане Малыя Россіи всѣ поеретичѣли, яко Креста Христова, славы своея, на Немъ же намъ спасеніе содѣяся, соромѣются. И не только въ церкви, але и на трапезу сѣдаючи, крестомъ знаменайте. Если-бы и латина, и еретики быти съ тобою ся прилучили, не соромейтеся рода ради прелюбодѣйнаго жизни сея, да не посрамлени будете на вселенскомъ позорищѣ, ибо панея вѣры таинства весь міръ вмѣстити не можетъ; иншіе же вѣры всѣ суть презести».

Если вліяніе иновѣрцевъ на православныхъ было такъ велико, что послѣдніе стѣснялись при постороннихъ, въ присутствіи ерети-

ковъ, поклоняться иконамъ и кресту, то тѣмъ болѣе они должны были стѣсняться въ присутствіи иновѣрцевъ входить въ общеніе съ неприглядными православными монахами. «Иноческаго чину не поругивайте...; благочестіе стратили и съ иноческаго чина ся смѣете, и духомъ проклятаго дьявола хулите», обращается Іоаннъ къ православнымъ. Такимъ образомъ оказывается, что православные монахи не пользовались въ южной Россіи въ началѣ XVII ст. уваженіемъ, что надъ ними смѣялись одновѣрцы, отчасти, должно быть, подъ вліяніемъ иновѣрцевъ. Со стороны откормленныхъ, выхолощенныхъ, иногда даже элегантныхъ и образованныхъ латино-уніатовъ, вѣроятно, сыпался градъ насмѣшекъ и колкостей на неприглядныхъ и темныхъ православныхъ монаховъ. Къ такому предположенію приводятъ посланія Іоанна Вышенскаго. Самыя страстныя и горячія выраженія употреблены имъ въ защиту православныхъ монаховъ отъ взводимыхъ на нихъ латино-уніатами обвиненій въ грубости, пьянствѣ и невѣжествѣ. Защита православнаго иночества составляетъ весьма характерную часть своеобразныхъ сочиненій Іоанна Вышенскаго, характерную по содержанію и формѣ, по обрисовкѣ личности автора и всего общества.—«Чому ся ты, рымлянине, смѣеши зъ духовнаго иноческаго чина? спрашываетъ Іоаннъ Вышенскій, и предугадываетъ далѣе отвѣтъ католика: «Ты же ми, вѣдаю, отповѣси: для того ся смѣю, ижъ каптуръ или страшило на головѣ носить,—што мы зовемо кlobукъ,—и зась смѣюся, ижъ волосе долгое носитъ и не подголився, и зась простое одѣе носитъ, што пекшталтовне, яко въ мѣхъ, оболокся, и зась поясище пѣкчемное скужаное или ременное, черевичнице—не мащъ на што поглядѣти, или чоботица невытертіи, ажъ гадится поглядѣвши на нихъ; а до того—хлопъ простый, не знаетъ и проговорити съ чоловікомъ, коли его што запытаешъ». Этимъ, однако, не ограничивались неприглядныя стороны православнаго монашества. Іоаннъ Вышенскій, какъ человѣкъ искренній, прямой, не скрываетъ, что были и другія обвиненія, болѣе существенныя: «Але зась речеши, яко зло житіе мають иноки, по корчмахъ ходять и упиваються, и по господахъ обѣды чипять, и пріятельство собѣ зъ мірскими еднають, и до того гроши збирають и на лихву дають». Во всѣхъ этихъ обвиненіяхъ, несомнѣнно, было много правды. Іоаннъ Вышенскій, какъ человѣкъ добросовѣстный, искренній, не могъ не признать извѣстной доли основа-

тельности упрековъ православнаго монашества въ пьянствѣ и корыстолюбіи. «Не все бо пшеница въ посяваню ся заходитъ, говоритъ онъ по этому поводу, але знайдешь другую пиву, которая больше куколю, нежели пшеницы пародитъ. Также и mezi шюки въ доспѣваю на звѣтяжество того чрева мало ихъ есть». Опроверженія латино-уиатскихъ нападокъ на православные монашество, приводимыя малороссомъ-аопитомъ, съ логической стороны мало убѣдительны, но всѣ они въ высшей степени своеобразны и характерны, горячи и сильны. Защита Іоанна Вышенскаго распадается на двѣ части, на защиту внѣшнихъ сторонъ монашества,—иноческой одежды и на защиту моральной стороны современныхъ ему православныхъ монаховъ. Сначала Іоаннъ объясняетъ и оправдываетъ внѣшнюю непримамливую монашескую клобуку, нося, сапогъ. Клобукъ, съ хвостомъ назадъ—страшило для бѣсовъ и знакъ презрѣнія къ міру и земной красотѣ. Длинные, не знающіе гребенки, волоса на головѣ—средство «женскую плоть въ огиду и мерзость на себя воздвигнуть», чтобы женщины при взглядѣ на косматаго и неумытаго монаха мыслью похотно не блудили, а «отъ мерзавки некраснаго образа помысломъ скоро отскочили и не согрѣшили». Ремешный поясъ убиваетъ «нодъ ремешемъ тѣлесныя кожи внутрь крыючіяся страсти, похоти и всякія прагненія грѣхолюбивыя, придавлиючи кожу кожею и мощно стягивая череву». Нехорошую обувь монахъ для того носитъ, чтобы «безпечно на змію наступитъ и василіску голову сокрушитъ... Черевичнице невытертое иноково якъ стало на одномъ мѣстѣ отъ вечера предъ Богомъ на молитву, тогда, яко камень неподвижный, доколь ажъ день освѣтитъ, стоитъ и бѣсы отъ той коморки, гдѣ ся молить, далеко отгоняетъ». Что касается до опроверженія нравственныхъ недостатковъ монашества, корыстолюбія, пьянства и невѣжества, то первое Іоаннъ признаетъ и не оправдываетъ, второе признаетъ и оправдываетъ, а третье рѣшительно не признаетъ. Тѣхъ монаховъ, которые собираютъ деньги и отдаютъ ихъ въ ростъ, онъ называетъ хулой на иноческое имя, Иудами и хриstopродавцами. Наклонность къ выпивкѣ и излишество въ ѣдѣ Іоаннъ называетъ «грошовымъ» грѣхомъ и замѣчаетъ при этомъ: «трафится ему (т. е. православному иноку) отъ того чрева и отъ того горла звытяжитися, тому не мало не чюдуйся, и я тому вѣрую, што трафляется и то въ вашей землѣ иноку, ижъ часомъ

и перепочуетъ въ корчмѣ». Въ другомъ мѣстѣ Іоаннъ въ оправданіе допускаемой монахами случайной выпивки говоритъ: «Тому неборакони въ мѣсяць разъ трафится папитися, и то безъ браку, що знайдетъ, горькое-ли, или квасное, ниво албо медъ, тое гложеть, только-бы тую поганку утробу насытити могъ, а по насыченю зась терпитъ, въ келію влѣзши, доколя ся ему другій такой праздникъ трафупкомъ памѣритъ (т. е. случится).. А онъ зась, отшедши зъ корчмы въ свою келію, тотъ кусъ смачный и куфель оплакавъ и отжаловавъ и прощеніе отъ Бога пріялъ». Что касается обвиненія православнаго монашества въ невѣжествѣ, то Іоаннъ Вышенскій не отвергалъ, что южно-русскіе монахи малознаючи; опъ настаивалъ лишь на томъ, что ихъ малое знаніе есть дѣйствительное и богоугодное знаніе, а латино-униатская мудрость—прелесть міра сего. «Тое признаваю, што еси рекъ, яко не вмѣеть инокъ зъ двораны, смѣхотворци, курцыяны шкурты и блазны (шутки) говорити, а то для того, ижъ онъ тые бесѣды и прожпомовства уморилъ, убилъ и память тую мірскихъ справъ запамятаемъ погребъ, и въ простоту отъ мірскихъ хитростей ся переселилъ, только да съ Богомъ и къ Богу мыслию и памятью будетъ... А што-жъ инокъ не умѣеть бесѣдовати съ тобою: албо его пытаеши о борбѣ духу съ тѣломъ, албо его пытаеши о дьявольскихъ прилогахъ, албо его пытаеши о скорбѣхъ внутреннихъ, албо его пытаеши о томъ, въ чомъ животь вѣчный крестяся?.. Чѣмъ же ся ты ругаешь съ инока, ижъ съ тобою не умѣеть бесѣдовати? Албо мнимаешь, ижъ ты чого пожиточного въ замтузѣ научилъ? албо мнимаешь, ижъ ты што цютливого у курвы слышалъ? албо мнимаешь, ижъ ты што богобойнаго отъ шипкарки павыкъ? албо мнимаешь, ижъ ты што разсуднаго отъ дудки и скрипки и фрюярника (польск. fryjer—волокига) разобравъ? албо мнимаешь, ижъ ты отъ трубача, сурмача, пицальника, шамайника, органисты, рекгалысты, инструментысты и бубенеты што о дусѣ и духовныхъ рѣчахъ коли слышалъ? албо мнимаешь, ижъ ты отъ всѣхъ пастыревъ, мысливцовъ (охотниковъ) или возовозовъ, возипцъ или скачомудрець, кухаровъ или пирогахитрцовъ-пекаровъ што о богомысли павыкъ? Чѣмъ ся ругасишь, брате дворянине, зъ инока, ижъ не вмѣеть съ тобою говорити? А што-жъ ты маешь за скарбъ разуму, да инокъ зъ тобою говоритъ? А што-жъ за пожитокъ говорки или бесѣды инокови съ тобою? А

чо́го-жъ ся инокъ отъ тебѣ научить?... Зась оборачиваюся къ тобѣ, ругателиви иноческаго чина и чудуюся тому твоему песпосному осѣдлаю тымъ тяжкимъ и бремениноснымъ сѣдломъ глупства? Чому ся смієшь зъ пиока, ижъ опъ не умѣеть съ тобою говорити и трактовати, якъ пустое коло млынное, крутячи и выворочаючи безпожиточный тотъ языкъ? А што-жъ ты здороваго знаєшь да говоришь? Глубокимъ презрѣніемъ и страшнымъ негодоваіемъ дышуть въ одномъ мѣстѣ опроверженія латино-уніатскихъ обличителей и поругателей малорусскаго народа, въ особенности его скромнаго и приижепнаго духовенства. «Подвигъ и борба есть жизнь тая (т. е. монашеская), которой ты не знаєшь; бо еще еси на войну не выбрався, еще еси доматурѣ, еще еси кровоѣдъ, мясоѣдъ, волоѣдъ, скотоѣдъ, звѣроѣдъ, свипоѣдъ, куроѣдъ, гускоѣдъ, птахоѣдъ, сытоѣдъ, сластноѣдъ, маслоѣдъ, пироѣдъ; еще еси перипоспаль, мягкоспаль, подушкоспаль; еще еси тѣлу угодникъ; еще еси тѣлолюбитель; еще еси кровопрагнитель; еще еси перцолобець, шафранолобець, пмберолобець, кгвоздиколобець, кминолобець, цукролобець и другихъ брѣдень горько и сладколобець; еще еси коффектолобець; еще еси чревобѣсникъ; еще еси гортановетскъ; еще еси гортаногратель, еще еси гортаномудрець; еще еси дѣтнина, еще еси младенець; еще еси мнєскоій. Якъ же ты хочешь бѣду военника, быючогося и борючогося, у ццки матернои у дома сидячи, розознати, розсудити?... Я васъ уневилю и тую тайпу вамъ открываю: если-бы тые каптуреници межи вами не были, уже бо есте давно погибли,... яко слипа исчезнете и запустѣете».

«Тернить Богъ латину — тоє таемницы не знаєшь? спрашиваетъ далѣ Вышенскій и затѣмъ продолжаетъ: «але Руси (т. е. уніатовъ) не тернить, але змѣппиковъ русскихъ искореняетъ!» Разъ Господь тернить латину,—Вышенскій, можно думать, и не трогальбы ее, не вступаль-бы съ нею въ борьбу, если-бы сама латина не вступала грубо завосвательнымъ образомъ. Латина внесла въ южную Русь раздоръ, кары, убійства, братопенавистничество. Латина разрывала южную Русь на части. Всѣ дурныя стороны чловѣческой природы были взбудоражены и подняты латиной для того, чтобы бросить малороссіянъ подъ туфлю римскаго паны: корыстолюбіе, лицемѣріе, обманъ, ложь, клятвепреступничество, грубое насиліе, тѣлесное наказаніе, убійство. Возбуждали и усиливали корыстолюбіе

православныхъ іерарховъ, чтобы общаніемъ папскихъ и королевскихъ наградъ привести ихъ къ уни; поддѣлывали богослужебныя книги и юридическія акты, чтобы дать церковной уни каноническія и археологическія основанія; упорнымъ, противникамъ подпосили отраву, или бросали ихъ въ тюрьму, или подсылали подкупнаго убійцу. Всѣ мѣры, направленныя къ духовному порабощенію южной Россіи, получали въ Римѣ религіозную санкцію, въ Варшавѣ административное одобреніе, и мерзвѣйшія проявленія угнетенія, насилья, рабства, холопства совершались на законномъ основаніи in majorem gloriam римскаго папы. Іоаннъ Вышенскій въ сочиненіи о заблужденіяхъ римской вѣры перечисляетъ главныя проявленія воздвигнутыхъ католиками на православныхъ малоруссовъ гоненій: «снче нынѣ латина христіанамъ православнымъ творить, отповляюще прежде бывшее идолопоклонство и гоненіе, глаголюще: поклонися папѣ, прійми его календарь повоутворенный, на насъ истины ничтоже не глаголи... Аще-же не хотите, то имѣте ихъ и мучите досадами и бѣдами. Вы, войтове, бурмистрове, лацдвойтове, власть мірская градская и повсюду, не дадѣте Руси ни едино пространство въ жизни ихъ, въ судехъ по Руси не поборайте, наче-же и кривдите, въ сусѣдствѣ любви не показывайте, пиже съ ними ся общѣте, наче-же ихъ ненавидите, въ кунляхъ, торгахъ, ремеслахъ русинъ съ папешникомъ волности единой да не имать; въ цехахъ ремесницкихъ русину быти не достоятъ, доколѣ ся не понапешитъ; на власти войтовства и бурмистровства и прочихъ строителствъ отъ русскаго народа да ся не поставляютъ, доколѣ ся у папеша не увѣрують. Аще-же снмъ Руси не досадите и папѣ идолопоклонитися не хочуть, набоженство ихъ разорѣте, на праздники стараго календаря звонити не дадѣте, повый-же святити и праздновати съ силою понудѣте; аще-же и еще не ислушаютъ, сакраментъ Христовъ обезчѣстете, на землю продейте и ногами поурѣте и топчѣте, церкви запечатайте и отъ всѣхъ странъ бѣдно творѣте и досаждайте, да поне сими бѣдами и досадами повинуются и поклонятся папѣ и костелеви римскому; аще-же и сими досадами имъ не одолѣете, въ темницахъ затворяйте и безъ вины вины на нихъ налагайте, бійте, безчестите и убійте во имя найсвятѣйшаго папы».

По долгу чести, по чувству справедливости, по любви къ родному краю Іоаннъ Вышенскій не могъ остаться равнодушнымъ или

молчаливымъ зрителемъ южно-русскихъ религіозно-общественныхъ нестроений и латино-уніатскихъ козпей. Онъ сталъ въ ряды мало-численныхъ защитниковъ православнаго южно-русскаго народа противъ нападеній могущественной и безцеремонной въ выборѣ средствъ «латины». Іоаннъ Вышепскій является однимъ изъ самыхъ раннихъ православныхъ религіозныхъ полемистовъ въ южной Россіи XVI—XVII столѣтій. Его религіозно-полемическая дѣятельность была отчасти опредѣлена предшествовавшими религіозно-церковными полемистами, преимущественно острожскимъ священникомъ Василюмъ, авторомъ небольшого противо-латинскаго сочиненія, вышедшаго въ 1588 г. «Хотѣхомъ, говоритъ Іоаннъ Вышенскій въ сочиненіи о заблужденіяхъ римской вѣры, о таинственной вечерѣ, календарѣ и прочіихъ премѣненіяхъ ихъ латинскихъ (отъ истины въ ложь и прелесть) обличительно писати; но занеже видѣхомъ, яко о всемъ томъ довольно Василій отъ божественнаго писанія написа, сего ради оставихомъ о семъ писати. Сіе Василюво писаніе испитахомъ извѣстно и увидѣхомъ, яко не отъ своея фантази новозобрѣтеннаго помысла, но отъ божественнаго писанія писа, яже панца». Содержаніе сочиненія Василя острожскаго распадается на шесть частей: 1) о единой, истинной, православной вѣрѣ; 2) о исхожденіи св. Духа; 3) о первенствѣ римскомъ; 4) объ опрѣсноклахъ; 5) о перемѣнѣ въ празднованіи Пасхи, или о календарѣ и 6) о храмахъ и почитаніи иконъ (Филар., Обзоръ I, 237). Полемикой противъ римской церкви Іоаннъ Вышенскій занимается въ одномъ посланіи и въ «Зачапкѣ». Въ сочиненіи о заблужденіяхъ римской вѣры Іоаннъ Вышенскій сначала останавливается на опредѣленіи того, что такое прелесть и змѣиная мудрость, потомъ болѣе или менѣе подробно касается слѣдующихъ вопросовъ: 1) объ исхожденіи св. Духа, 2) о церкви старшей и начальнѣйшей, 3) о начальствѣ римскихъ папъ; 4) о послѣдп быти хотящихъ плодѣхъ латинскихъ (перемѣна праздниковъ, крестнаго знаменія и др.) и 5) о чистилицѣ. Въ «Зачапкѣ» паходится опроверженіе двухъ мнѣній Скарпп: 1) «Греки словенскому языку науки своей не повѣдали» и 2) «Счастливый есть костель латинскій, иже всюды, но всѣхъ сторонахъ своего послушенства пауки и школы фундовалъ».

Опроверженія латино-уніатскихъ мнѣній въ сочиненіяхъ Іоанна Вышепскаго не представляютъ глубокаго и разносторонняго разбора

разностей между восточною и западною церквями; они не блестящи съ внѣшней, формальной стороны, со стороны фактической аргументаціи ¹⁾; при всемъ томъ они убѣдительно, потому что просто и ясно изложены и при этомъ выдвинуты немногія, характерныя доказательства, легко укладываемыя въ память; но самое главное то, что они проникнуты необыкновенной нравственною силой и искренностью. Іоаннъ Вышенскій писалъ,—употребляемъ выраженіе Бёрне,—кровью своего сердца (mit dem Blute des Herzens und dem Safte der Nerven), и потому все имъ написанное такъ сильно, горячо и, растворенное безкорыстной любовью къ родинѣ, такъ неотразимо и убѣдительно.

Въ началѣ посланія къ князю Василію Острожскому Іоаннъ Вышенскій выдвигаетъ сильное обвиненіе латино-уніатовъ въ гордости. Гордость, какъ извѣстно, выдающійся порокъ латинства, естественно вытекающій изъ властолюбія Рима. «Римъ всегда хотѣлъ властвовать», говоритъ Г. Гейнс. «Когда легіоны пали, онъ послалъ въ провинцію догматы. Какъ гигантскій паукъ, гнѣздился Римъ въ центрѣ міра и заволокъ его безконечною сѣтью». Превосходно очерчена римско-католическая гордость въ романѣ Э. М. Достоевскаго «Братья Карамазовы», въ главѣ «Великій инквизиторъ». Спаситель пожелалъ появиться на время къ угнетенному всякаго рода бѣдствіями народу и спустился на землю въ Испаніи, въ Севильѣ, въ самое страшное время инквизиціи. Народъ непобѣдимой силой стремится къ Нему, слѣдуетъ за Нимъ. Онъ молча проходитъ среди ихъ съ тихою улыбкою безкопечнаго состраданія. Солнце любви горитъ въ Его сердцѣ; лучи свѣта, просвѣщенія и силы текутъ изъ очей Его и, изливаясь на людей, сотрясаютъ ихъ сердца отвѣтною любовью. Онъ простираетъ къ нимъ руки, благословляетъ ихъ, исцѣляетъ отъ недуговъ. Въ это самое время проходитъ по площади самъ кардиналъ великій инквизиторъ. Онъ сразу понялъ, что передъ нимъ Спаситель и приказалъ стражамъ взять Его и отвести въ тюрьму. Толпа перемѣнчива и робка. Она преклоняется

¹⁾ Ученіе о Filioque отвергается, какъ не подтверждаемое евангеліемъ мстательное толкованіе; ученіе о первенствѣ римской церкви по времени возникновенія опровергается указаніемъ на возникновеніе христіанства и церкви Христовой въ Іерусалимѣ и т. д.

передъ великимъ инквизиторомъ, и Спасителя безпрепятственно отводить въ тюрьму. Здѣсь къ Нему является самъ великій инквизиторъ и говоритъ Спасителю, что пришествіе Его излишне и неумѣстно. Весь смыслъ суровой рѣчи инквизитора сводится къ тому: «все, дескать, передано Тобою панѣ, и все стало быть теперь у паны, а Ты хоть и не приходи теперь вовсе, не мѣшай до времени по крайней мѣрѣ». «Я примкнулъ къ сонму тѣхъ, которые исправили подвигъ Твой», говоритъ великій инквизиторъ и грозитъ Спасителю костромъ. Латинское высокомѣріе, римско-католическая гордость всегда выступали ярко; въ особенности-же эти тяжелыя свойства латинства обнаруживались въ періоды гоненій за вѣру, между прочимъ, въ періодъ разыгравшейся и разбушевавшейся латинской пропаганды въ южной Россіи въ XVII столѣтіи. Здѣсь латинское высокомѣріе тѣмъ болѣе подняло свою голову, что опиралось на вѣднѣе, такъ сказать, количественное, но тѣмъ не менѣе блестящее превосходство польской цивилизаціи надъ цивилизаціей южно-русской, имѣло на своей сторонѣ и въ свою пользу польско-іезуитскія коллегіи, широковѣщательныя казанья, историческую и богословскую литературу. Южно-руссамъ конца XVI и начала XVII столѣтія пришлось испытать на себѣ всю тяжесть латинскаго высокомѣрія, гордости и властолюбія, и потому такъ умѣстнымъ представляется суровое и правдивое облпченіе Іоанпа Вышенскаго. «Въ той книжкѣ (т. е. католической «Оборонѣ брестскаго собора») знашолъ есми яму глубокою, говоритъ Іоаннъ Вышенскій, яму, которая адовыхъ послѣднихъ концовъ досягаетъ, тая яма, которую духозрители пропастію вѣчною называютъ, тотъ ровъ знашолъ есми, который изривши его, самъ его ся вмѣтасть, тую глубину знашолъ есми, съ которіи погрязнувшій николиже вернутися не можетъ. Которій-же то мененый ровъ, яма, глубина, пропасть? То есть превозлѣтающая мниманьемъ выше всѣхъ, зниходящая-же ся искусомъ ниже всѣхъ гордость, тая гордость, въ которой препочиваетъ вѣка сего тапство, тая гордость, которая высокое чинить сердце, о которой рече Премудрый, яко есть передъ Господомъ нечиста, тая гордость, которая истекаетъ отъ высокаго сердца и изрыгается нагло гвалтовнымъ языкомъ наявно; тая гордость, которая отъ пренсполненія сердечнаго вытискается въ широко-нечистые уста квалтомъ и языкояднымъ гласомъ ураняетъ слышащихъ. И

что много мовити? Въ томъ гласѣ видѣлемъ явнаго фарисея... Въ другомъ мѣстѣ посланія Іоаннъ Вышенскій дастъ краткую, но довольно выразительную характеристику того, въ чемъ преимущественно проявлялась въ его время латинская гордость: «тоє возношеніе есть, который самага себя быти лѣпшимъ, зацнѣйшимъ и мудрѣйшимъ отъ другихъ разумѣть и наявно тоє розумѣніе о себѣ гласомъ пзъявляеть». Какъ ни темень языкъ приведенныхъ мѣстъ, въ нихъ нельзя не видѣть, что основой латино-польскаго высокомѣрія во время Іоанна Вышенскаго были старожитность или древность рода и построенная на польско-латинскихъ началахъ образованность; это такъ сказать два краеугольные камня польско-латинскаго высокомѣрія. Послѣ этого понятно, почему Іоаннъ Вышенскій пускаеть сильные перуны своего краснорѣчія противъ пановъ и настойчиво приравниваетъ ихъ въ религіозно-нравственномъ отношеніи къ хлопамъ; понятна и его ненависть къ Аристотелю, какъ схоластической основѣ латинскихъ коллегій.

Въ одномъ мѣстѣ Іоаннъ Вышенскій затрогиваетъ короля-иновѣрца. Предлагая православнымъ выбирать достойное лицо въ епископа и просить короля о его утвержденіи, нашъ полемистъ далѣе замѣчаетъ: «котораго (т. е. духовнаго пастыря) если не схочеть вамъ подати и не послушаетъ васъ, узрите его (т. е. короля) скоро оглохнувшя и онѣмѣвшя; заие поставлень судъ правый судити, а не своей вѣры прелести фальговати» (содѣйствовать). Такой тошъ рѣчи относительно высшей предержащей власти въ Польшѣ, короля, къ которому малороссіяне всегда, даже въ половинѣ XVII ст., при возстаніи Хмельницкаго, относились весьма почтительно и искали въ немъ защиты, заранѣе показываетъ, въ какомъ духѣ будетъ говорить Іоаннъ Вышенскій о тѣхъ «королевятахъ» — свѣтскихъ и духовныхъ магнатахъ, которые превратили Рѣчь-Посполитую въ панскій рай и мужицкій адъ, причемъ обрѣзали власть короля, такъ что отъ этой власти остались одни жалкіе обрывки. Отзывы Іоанна Вышенскаго о польской аристократіи, свѣтской и духовной, жестки, суровы, часто проникнуты язвительной насмѣшкой. «Постраждуть власти мірскія,—они-же талантъ добръ, отъ Бога имъ дапный, въ своихъ похотяхъ и сластяхъ гноятѣлеснаго погрѣбають, о размноженіи-же хвалы Божіей ничтоже

не дбають... Постраждуть и власти разумомъ владѣющія духовно, занеже за спасеніе душъ небрегутъ».

«Князья (польскіе) закону Божію не покаряются, обѣщаницы татемъ, любяще мзду, гоняще за посулами, сиротамъ не судяще и суду вдовиць не внемлюще». Русскіе паны не далеко ушли отъ паповъ польскихъ: «на пановъ-же вашихъ русскаго рода не надѣйтесь, говоритъ Іоаннъ Вышенскій; въ нихъ-же нѣсть спасенія! всѣ бо живаго Бога и вѣры въ Него отступили, прелести-же еретической, любви духа тѣлеснаго, жизлолюбію и лихоимству ся поклонили». Мало того: «нынѣ межн ляхи князья русскіе всѣ поеретничѣли и христіанства, истиной вѣры отступили, иноческій чинъ ругаютъ, лгутъ, клеветуютъ»... Въ подтвержденіе своихъ словъ Іоаннъ Вышенскій указываетъ на князей Слуцкихъ, которые «въ панежа хитраго увѣрили, простоту русскую отбѣгли, и потому домъ ихъ сталъ пустъ»... Главные недостатки польско-русскаго панства—высокомѣріе, несправосудіе и въ особенности сластолюбіе и роскошь. «Панове надъ Бога богами вышшими надъ своими подручными подданными ся починили и надъ Творца, равнымъ зданіемъ образа своего всѣхъ почтившаго, судомъ беззаконнымъ вознеслися». «Некрещеные турки честнѣйшіе суть предъ Богомъ въ судѣ и правдѣ якої-такой, нежели крещеные ляхи». Паны «въ златоглавыхъ подушкахъ и китайчаныхъ шелухахъ рождаются». «Чрево ихъ сластолюбивое, потравы богато утворенные, трапеза сребро-полмисная». Роскошь ихъ обнаруживается «во многихъ мисахъ, полмискахъ, приставкахъ черныхъ и сѣрыхъ, червонныхъ и бѣлыхъ юхахъ и многихъ склянницахъ и келишкахъ, и винахъ-мушкателяхъ, малвазьяхъ, аляконтахъ, ревулахъ, пивахъ розмаитыхъ, въ барилахъ съ медами, барылькахъ съ вирами, шкатулахъ съ флягами, наполненными виномъ, горѣлкою горко-дорогою, въ гордыхъ бадавѣяхъ (копяхъ): валахахъ, дрыгантахъ, ступакахъ, едноходникахъ,—колыскахъ, лектыкахъ, брожкахъ, карытахъ (экипажахъ), въ обиліи слугъ». Франтовство и щегольство пацское выражалось въ низкомъ стриженіи волосъ: «обычай бо есть мірскимъ на облущеную голову подголенца выструганаго, мыломъ вышарованнаго и вымаклеванаго пыльно смотрѣти и мыслю похотною блудити». На голову надѣвали красивую шапку и ею кичились, «косичку или перце запывши», «перекривляючи макгерку то на той, то на сѣй бокъ».

шію напяливши, яко индійскій куръ»; разными одеждами себя украшали, имѣя ненасытную любовь «къ прелести шматя того, златоглаву пли ядамашку, шкарлату и иныхъ суконъ». Тутъ упоминается и «златоглавая делѣя» и «алтебасовый коненякъ», провадяціе въ адъ. Одной изъ забавъ польскихъ и русскихъ пановъ были «хорты, выжлы сытые и другіе кундысы (т. е. псы), а заботой— дабы «имъ боки полны, хребты ровны и глады были». Любопытнымъ представляется еще слѣдующее обвиненіе пановъ въ сдачѣ шинковъ евреямъ: «ты всегда въ корчмѣ живеши и самъ шинкарямъ еси корчмы запродаеши, людскія сумнѣяа опиваеши скупостью корчемнаго торгу, зъ Афраимами жидовскими людское чрево оцѣцеваеши, и тое поганство видѣти не хочещи, и очи, суда себе не видѣти, замурилъ еси».

Римско-католическое и униатское духовенство въ погонѣ за благами міра сего не отставало отъ людей свѣтскихъ. «Днесъ бо въ людской землѣ, говоритъ Іоаннъ Вышенскій, священники всѣ, якоже древле иѣкогда Елзавелины жерцы, черевомъ, а не духомъ офѣрують». Высшее латино-униатское духовенство, какъ извѣстно, комплектовалось изъ людей знатныхъ, «уроженныхъ», причемъ переходъ съ одной іерархической ступени на другую, высшую совершался очень быстро. «Не днесъ-ли каштеляне, говоритъ Вышенскій, дворяне; жолнѣры, воины, кровопролїицы, куицы, медвѣдники, а утро иопами, а поутру бискунами, а по утру утрешнемъ арцибискунами починилися есте». Такое быстрое повышение обусловливалось или милостью короля, или, что гораздо чаще и обычнѣе было, являлось слѣдствіемъ подкуповъ. «Вамъ помогли (въ достиженіи іерархическаго сана), продолжаетъ Вышенскій, «румянца (червонные, золотые) съ бѣлыми великими талары, полталарками, орты, четвертаки и потройники. А то якъ? Ото такъ, что славнѣйшимъ секретарямъ и рефендарямъ, похлѣбцамъ и тайнымъ лгарямъ его королевской милости, абы ся причинили и свѣдчили, якъ годный человекъ на панствованя бискупскихъ доходовъ и пожитковъ и своевольнаго и вшетчнаго мешкаля на тыхъ имѣніяхъ и селахъ, бискупству належащихъ, за которую причину тому, особѣ завивши въ папирецъ сто, или якъ ся трафить, чирвоныхъ золотыхъ въ руку тыць, другому засъ тыхъ-же шафранцовъ очелюбныхъ, завивши также, въ руку тыць; отправивши-же румяно-

любцовъ, потомъ ступимо до шанеславнѣйшихъ особъ, тымъ зась ворочки (т. е. мѣшочки) понаполнявши овымъ великихъ бѣлыхъ талаировъ, овымъ зась полталаировъ, овымъ ортовъ и четвертаковъ, тому въ руку тыць, овому тыць и сему тыць, а писаредрачи южъ пе бракують, и потройники съ грошами берутъ и деруть». Захвативъ такимъ способомъ духовную должность и связанныя съ нею маетности, настыри занимались только тѣмъ, что пили молоко овецъ и спинали съ нихъ волну, «алчными и жаждными чипили бѣдныхъ подданныхъ». Обращаясь къ латинно-уніатскимъ владыкамъ, Іоаннъ Вышенскій говоритъ: «зъ сихъ, на сироты церковныя и прекормленіе ихъ отъ благочестивыхъ христіанъ наданныхъ, лупите и съ гумна стоги и абороги (рогатый скотъ) волочпте; сами и съ своимъ слуговинами прекормлюетея, оныхъ трудъ и потъ кровавый, лежачи и сидячи, смѣючися и граючи, пожираете, горѣлки принуцаемые курите, пиво троякое превыборное варите и въ процастъ насытнаго чрева вливаете; сами и съ гостями своими пресыщаете, а сироты церковныя алчуть и жаждуть, а подданные бѣдные въ своей неволѣ рочнего обходу удовольти не могутъ, съ дѣтьми ся стискають (горюють), оброку собѣ уймуютъ, боячися, да имъ хлѣба до приплаго урожая дотягнетъ!»... «Нынѣ владыкове проклятія фольварки собѣ почипили зъ общихъ монастырей и мысливства (охотничьи своры) прекормлюють въ нихъ; съ тыхъ доходовъ, на богомольцы наданныхъ, дѣвкамъ своимъ вино (*вино*, приданое) готуютъ, сыны одѣвають, жоны украшаютъ, слуги умножаютъ, барвы (родъ ливрей) справуютъ, пріятели обогачаютъ, кариты зиждуть, возники сытые и единообразные спрягаютъ». Страстью къ роскоши и корыстолюбіемъ высшаго духовенства Іоаннъ Вышенскій объясняетъ его переходъ въ унію. Переходомъ въ унію оно рассчитывало «прагнене неасычное утолить» относительно наполненія сундуковъ и удовлетворенія разныхъ похотей. Понятно, что о соблюденіи церковныхъ уставовъ и о правильности церковной службы духовные іерархи мало заботились. Словесныхъ настырей можно было узнать только «по брюху и самолюбію», говоритъ Іоаннъ Вышенскій. Не ограничиваясь обвиненіемъ латинно-уніатскаго духовенства въ цѣломъ его составѣ, онъ дѣлаетъ нѣсколько упрековъ въ сластолюбіи и роскоши Рагозѣ, Терлецкому, Потѣю и другимъ высшимъ іерархамъ русскимъ, перешедшимъ въ унію, причемъ упоминаетъ объ убійствѣ Филиппа маляра Терлецкимъ.

Іоаннъ Вышенскій возмущался тѣмъ, что свѣтскіе и духовные магнаты, при всей своей глубокой испорченности, свасока, презрительно и жестоко относились къ горожанамъ и крестьянамъ, жили всецѣло на ихъ счетъ и ихъ-же третировали en sa parole, возмущался тѣмъ болѣе, что горожане и крестьяне составляли самый здоровый и нравственно-чистый слой населенія. Онъ возмущался тѣмъ, что лучшіе южно-русскіе люди-братчики иначе не слыли у епископовъ, какъ сапожники, кожемяки, хлопы. «Якъ-же вы духовными, але и вѣрными зватися можете, коли брата своего, въ единой купели крещенія вѣроу и отъ единой матерн благодати ровню съ собой породившагося, подлѣйшимъ отъ себѣ чините, уничижаете и ни за что быти вмѣняете, хлопаете, кожемякаете, сѣдельникаете, нивцами на поруганіе прозываете... Пытаю тебя, ругателя имени, чимъ ты лѣпшій отъ хлопа; албо ты не хлопъ такой-же, скажи ми; албо ты не таяжъ матерія, глина и персть, ознайми ми; албо ты не тос тѣло и кровь; албо ты не таяжъ желчь хракотницы, слнна и тлѣніе; или ачей ты отъ камня угесалъ и не машь кишокъ и слюзу холопскаго; ознайми ми... А сгда показати не можешь, яко ты каменный, костяной или навсть и золотый, только такой-же гной, и тѣло, и кровь, яко и всякъ человекъ, чимъ-же ты ся лѣпшимъ показати можеши надъ хлопомъ? Явно, явно ничимъ другимъ, только хулєю и величаніемъ гордости предъ человекъ, а предъ всевидящимъ окомъ окаяннѣйшій и всѣхъ тварей безчестнѣйшій еси». Іоаннъ Вышенскій съ любовью останавливается на южно-русскихъ крестьянахъ и горожанахъ. «Вашн милости, обращаетъ онъ къ униатскимъ владыкамъ, облажае пзъ оборы кощи, волю, овцы у бѣдныхъ подданныхъ, волочите данн пѣняжныя, данн пота и труда отъ нихъ вытягае и онихъ живо лувите, облажае, мучите, томите, до комагъ и шкутъ (рѣчныхъ суденъ) безвременно зимоу и лѣтомъ въ непогодное время гоните... бѣдные подданные день и ночь на васъ трудять и мучать,—которыхъ кровь, силъ и працы, и подвига выссавши, и пагнхъ въ оборѣ и коморѣ учинивши, вырванцовъ вашихъ, вамъ предстоящихъ, фалюндышами, утrophинами и каразіями одѣвае, да красногладствомъ тыхъ слуговинъ око накормите; а тые бѣдннцн подданные и простой сермяжки доброй, чимъ-бы паготу покрыти могли, не мають. Зъ ихъ пота мѣшки, полны грошми золотыми, талармы, полталарки, орты, четвертаки и потройники, пацхае, сумы до-

кладаете, а тые бѣдници шеляга, за что соли купити, не мають!» Иоаннъ Вышенскій съ особенной силой и очевиднымъ сочувствіемъ говоритъ о простой жизни горожанъ и крестьянъ, о хлонахъ, которые «изъ одной мысочки борщикъ хлебчуть, бицькимъ або муравскимъ кгермачкомъ (т. е. свитой) покрываются и сами себѣ панове. и слуги суть». Понятно, что Иоаннъ вполне одобрялъ то предпочтеніе, которое константинопольскій патриархъ оказывалъ братствамъ въ дѣлахъ церкви, причемъ указывалъ на Господа, не призвавшаго Анну и Каиафу въ проновѣдники спасенія.

Одной изъ главныхъ причинъ высокомѣрія, гордости и нравственной распущенности латино-уніатовъ Иоаннъ Вышенскій признавалъ, что они съѣли «много поганскихъ наукъ съѣди», «во тѣмъ поганскихъ наукъ затворилися». Злоковарная латинская дуна насыщена языческими (поганскими) тщеславными и гордыми догматами. «Нынѣ поганскіе учителя, жалуется Иоаннъ Вышенскій, Аристотели, Платоны и другіе тѣмъ подобные машкарники и комедійники въ дворахъ Христа Бога владѣють». Очевидно, Иоаннъ Вышенскій имѣлъ слишкомъ смутное представленіе о великихъ греческихъ философахъ и судилъ о нихъ лишь по той «злоковарной» іезуитской поддѣлкѣ, въ которой они явились въ южной и западной Россіи. Онъ латино-уніатскую науку, построенную на схоластическихъ началахъ, считалъ продолженіемъ древней классической мудрости, и потому такъ энергично обрушился на «поганскихъ даскаловъ», Платона и Аристотеля. Въ его «Посланіяхъ» и въ «Зачанкѣ» разсыпано много колкостей на счетъ «философскаго ученія», «художества риторскаго ремесла», «хитродіалектическихъ силлогизмъ», «красномовнаго Аристотеля». Относясь вполне отрицательно къ латино-уніатской наукѣ, Иоаннъ Вышенскій отвергалъ все съ нею связанное, латино-уніатскія школы, латинскій языкъ, сценическія представленія. Школы латино-уніатскія—пропасть и погибѣль вѣчная; изъ нихъ выходятъ славолюбцы, болтуны, самохвалы, гордые фарисеи. Иоаннъ Вышенскій гордился тѣмъ, что православные латыни не знаютъ и комедій и машкаръ въ іезуитскихъ коллегіумахъ не изучають.

Развивавшуюся въ Малороссіи латино-польскую культуру Иоаннъ Вышенскій ни во что ставилъ, потому что она покупалась цѣной измѣны родной вѣрѣ и родной народности. Его, однако, никомъ

образомъ пельзя назвать обскурантомъ, врагомъ знанія, Іоаннъ принципиально не отвергалъ знанія. Онъ требовалъ только, чтобы южно-русская наука питалась греко-славянскими источниками и служила всей народной массѣ; онъ не отдѣлялъ науку отъ православія и народности. Рѣшительно возставая противъ отдачи дѣтей православныхъ родителей въ латино-уніатскія школы, Іоаннъ въ то-же время предлагалъ отдавать ихъ въ школы, находившіяся при православныхъ церквахъ: «Боячися, говоритъ онъ въ «Зачапкѣ», жебы есте дѣти своя хитростію и ересью латишскою не отравили и не поморили, зацеаю вамъ православнымъ правобѣрпую школу, и по-раду даю, чога ся учити имѣють, чтобы дѣти ваши спасли и по васъ благочестіе задержали и христіанство своей вѣры не стратили. Впервыхъ Ключъ, или грецкую или словенскую грамматику да учать. По грамматичѣ-же, во мѣсто лживой діалектики, изъ бѣлаго въ черное, а изъ чернаго бѣлое перетворяти учащей, тогда-бо учать богомолбнаго и праведно-словнаго Часословца; во мѣсто хитрорѣчныхъ силлогизмъ и вселерѣчивой риторики тогда учать богоугодно молебный Псалтырь; во мѣсто философин, по воздуху мысль разумную скитатися зиждущей, тогда учать плачивый и смиренномудрый Охтанкъ, та-же копечное и богоугодное предспѣваніе въ разумѣ—дѣльное богословіе; тогда учать святую евангельскую и апостольскую проповѣдь, съ толковаіемъ простымъ, а не хитрымъ, не слухи (рѣчь умудривши токмо) чесати словомъ проповѣднымъ, але силу св. Духа влагати въ слышащихъ сердца». Требованія, очевидно, не малыя, вполне согласныя съ церковно-общественными потребностями южно-русскаго народа въ началѣ XVII ст. Тутъ предумотрѣно все главное въ религіозно-нравствениомъ образованіи народа: воспринятіе науки на излюбленныхъ въ народѣ греко-славянскихъ началахъ и передача ее другимъ въ духѣ любви въ живомъ проповѣдномъ словѣ.

Замѣчательнымъ проявленіемъ національнаго самосознанія Вышенскаго служить, между прочимъ, энергическое отстаиваніе имъ въ посланіи къ кн. Острожскому и въ Зачапкѣ славянскаго языка, подъ который подкапывались латино-уніаты, отъ котораго мало по малу отказывались и православные подъ вліяніемъ обольстительнаго богатства западной, латинской науки. «Книги церковныя всѣ и уставы словенскимъ языкомъ друкуйте, говоритъ Іоаннъ Вышен-

скій... Нѣкоторые наши на словенскій языкъ хулятъ и не любятъ, — да знаешь заповно, яко того майстра дьявола дѣйствомъ творять. А то для того дьяволь на словенскій языкъ борьбу тую маеть, занеже есть плодоноснѣйшій отъ всѣхъ языковъ и Богу любимѣйшій; понеже безъ поганскихъ хитростей и руководствъ, се же есть граматикъ, риторикъ, діалектикъ и прочіихъ ихъ коварствъ тщеславныхъ простымъ прилежнымъ чтеніемъ, безъ всякаго ухищренія къ Богу приводить.

Малорусскій языкъ въ произведеніяхъ Іоанна Вышенскаго играеть почетную роль образовательнаго элемента въ жизни народа, является средствомъ духовной бесѣды и правственнаго назиданія. «Евангелія и Апостола, говоритъ Іоаннъ, въ церкви на литургіи простымъ языкомъ не выворачайте; по литургіи-же, для выразумнїи людского, по просту толкуйте и выкладывайте».

Идеаль Іоанна Вышенскаго состоялъ въ томъ, чтобы малороссіяне, или, употребляемъ терминъ Іоанна, русины, достигли научнаго образованія и гражданскаго благосостоянїя посредствомъ пастойчиваго труда, не разрывая связей съ своимъ прошлымъ, на основаніи главныхъ краевыхъ особенностей, православной вѣры, церковно-славянскаго и малорусскаго языковъ, признанія за личностью крестьянина права на самостоятельность и свободу. «Не помы насъ спасуть, писалъ онъ южнорусскому народу, не владыки, не митрополиты, но вѣры таинство пашей православной, храненіе заповѣдей Божїихъ». Предлагая православнымъ издать «Соборникъ» и предвидя со стороны послѣднихъ замѣчаніе о недостаткѣ средствъ, Іоаннъ совершенно ясно высказываетъ свой идеаль общественнаго единенія для достиженія цѣлей образованія и гуманизма: «На тое вамъ отновѣмъ добрый способъ еврейскаго разума: обшїй слогъ въ карванг¹⁾, кто вдовица ницетою двѣ лшты, пшлюгъ, полгроша, а кто доволнѣйшій или нанъ — золотый, десять, а наветь и сто за обшюю пользу и за свое спасеніе; ничто же дорожпее нѣтъ отъ душа, и въ то бы тое дѣло быти могло». Въ Іоаннѣ Вышенскомъ подъ скромной монашеской рясой, подъ «страшилломъ клобукомъ», въ «невытертыхъ черевичицахъ» скрывался вели-

¹⁾ Корвана — церковное казнохранплще въ древнемъ іерусалимскомъ храмѣ. — Н. С.

кій гражданинъ южнорусской страны. Это былъ человекъ, который многое отрицалъ, но и многое могъ создать; его духовно-творческія стремленія основывались на народныхъ идеалахъ, сліяваясь съ стремленіями и пожеланіями южнорусскихъ горожанъ и крестьянъ. Іоаннъ Вышенскій до нѣкоторой степени напоминаетъ Пушкинскаго пророка. Томимый духовной жаждой, онъ удалился въ Аѳонскія пустыни; здѣсь явился къ нему шестикрылый Серафимъ—любовь къ угнетенной, обманутой, осмѣянной родинѣ,—выцулъ изъ его груди трепетное сердце и вложилъ въ нее уголь, пылающій огнемъ гнѣва и негодованія, открылъ ему зѣнцы и обратилъ его вниманіе на всѣ современныя ему явленія южнорусской жизни, хорошія и дурныя, радостныя и печальныя, и бѣдный, малообразованный малороссіянинъ—аѳонитъ сразу прозрѣлъ въ глубину южно-русской жизни, увидѣлъ тайные ходы латино-уніатскихъ гадъ, замѣтилъ прозябаніе хлопа, и пошелъ на родину жечь сердца людей своимъ горячимъ, одухотвореннымъ словомъ. Можетъ быть, онъ, какъ Термонтовскій пророкъ, былъ угрюмъ, худъ, блѣденъ, нагъ и бѣденъ; навѣрно, латино-уніатскіе владыки и поны презирали его; при всемъ томъ онъ посильно выполнилъ святой завѣтъ, который высшая сила влагаетъ въ сердце каждому человѣку,—завѣтъ «провозглашать любви и правды чистыя ученія».

Въ заключеніе намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о полемическомъ тонѣ и о языкѣ Іоанна Вышенскаго. Многочисленныя извлеченія изъ его Посланій и Зачатки, сдѣланныя нами, даютъ намъ уже достаточно полное представленіе о рѣзкости и суровости полемическаго тона. Любопытнѣе всего то, что самъ авторъ Посланій сознавалъ эти особенности своей полемикъ; онъ оправдывалъ ихъ такимъ образомъ: «А если-бы зась хто... на мене отъ зависти потварь сложити хотѣлъ, мовячи, яко доразливѣ и уцѣпливѣ въ томъ писаню мовить, на тоє вамъ такъ отповѣмъ: научился отъ Христа истинны безъ похлѣбства ложъ лежею, волка волкомъ, злодѣя злодѣемъ, разбойника разбойникомъ, дьявола дьяволомъ звати». Рѣзкость и суровость полемическаго тона выкупалась у него силой и искренностью; что выразилось, между прочимъ, въ слогѣ и языкѣ. Фраза Іоанна Вышенскаго не длинна и не коротка, послѣдовательно разчленена на части, льется плавно, постепенно переходитъ съ одной степени усиленія на другую высшую степень и

удачно замыкается немногими сильными и выразительными словами. Скрытая въ ней сила авторскаго одушевленія тѣмъ выражается, что слова иногда начинаютъ рѣмоваться, напримѣръ: «Запевне вѣдайте, пехай васъ тое гордое дмухане и пынное фукане и широкословное блекотане, грозное розказаще и толстое отрыганье того вашего выкриканья, яко мы прелюбодѣйчицами быти бы мѣли отъ своей вѣры, не упежняеть». Сила рѣчи обнаруживается въ сравненіяхъ, эпитетахъ и шюказательныхъ выраженіяхъ; таковы выраженія: «дождевидное пролитіе мечтательнаго мниманія (т. е. мнѣнія)»; «труиъ гласа папешкаго певѣрія, пагло здохлый»; «къ курвѣ римской на блудъ убѣгать» (переходъ въ унию); четверо-рогатые Иисусоругатели (иезунты). Разрѣшеніе вопроса—развязываніе узелка; разсмотрѣть прошлое—отвалить падробный камень; нападеніе православапаго на католицизмъ—налетъ шершня на наутину; переходъ въ унию—лакомство на пироги. Сила рѣчи достигается, между прочимъ, употребленіемъ сложныхъ словъ: «аеровымыслный, скачомудрецъ, грошовладатель, богочревици, мясочревохотный, безхристорприходный, писародрачи», сопоставленіемъ синонимовъ: «буеть, хвалитса, возноситса, щедруеть» и т. п., изрѣдка употребленіемъ глаголовъ, произведенныхъ отъ именъ существительныхъ: «кожемякаты, сидѣльничкаты». Переводъ словъ довольно рѣдко встрѣчается: «студия или источпикъ», «паздѣря или наутина», «уфундувати или основати», «дигнитарство или преложонство». Такой переводъ очевидно пстекаль пзь желанія Вышенскаго сдѣлать свои Посланія доступными для всѣхъ грамотныхъ людей южной Россіи. Лексиконъ Іоанна Вышенскаго—церковно-славянскій, съ значительной примѣсью народныхъ малорусскихъ и польскихъ словъ. Большинство малорусскихъ словъ Іоанна Вышенскаго встрѣчается и нынѣ въ Малороссіи повсемѣстно, напримѣръ: мусить, пожитокъ, заховаты, нпкчемный, омылка, скарбъ, подбгаты (подъ себя подвернуть въ борьбѣ), тесля, брндкій,—все слова хорошо пзвѣстныя. Въ Посланіяхъ и Зачалкѣ паходится нѣсколько любопытныхъ въ историко-культурномъ отношеніи словъ, требующихъ объясненія, напримѣръ: «кучка» въ значеніи дома, «хлопы простые въ своихъ кучкахъ и домкахъ сидятъ» (стр. 242); пынѣ малорусская куча, кучка употребляются въ значеніи клѣтки для куръ подъ печкой или подъ постельнымъ поломъ (см. Зап. Ю. З. О. Геогр. Общ. II. 140); въ сербск. кутя—домъ; «алтебъ-

совый копенякъ» — свита или кафтанъ изъ дорогой матеріи, украшенный золотомъ; оба слова турецкаго происхожденія; *alten-bazz* — золотая матерія, *Goldleinwand*; кобенякъ, корепекъ — плащъ (*Miklosich, Denkschrift, d. kais. Akad. d. Wissensch. in Wien 1884. XXXIV, XXXV*); «златоглавая делія» — епанча изъ золотистой матеріи; «шкута и комяга утробная» — въ польскомъ языкѣ *szkuta* — барка, *komaga* — водоходное большое судно, «кермани впрожние» — подарки, отъ польск. *Kiermasz*, храмовый праздникъ, ярмарка, ширь; «тмахъ коптовный» — большой хорошо убранный домъ. Къ числу темныхъ, малоопытныхъ для малороссіянина польскихъ словъ въ Пославіяхъ и Зачапкѣ относятся: выпалъзокъ (изобрѣтеніе, открытіе), прагнепе (жажда), паздѣри (паутина), сакъ (мѣшокъ, сума), саколюбець (корыстолюбивый), статечность (постоянство, вѣрность), змаза (пятно), злюзпнть (клеветать, хулить), стлумить (укротить, упятъ), окгарь (*ogier*, жеребець), выжла (лягавый щенокъ), хортъ (*chart*, борзая собака), блазна (шутка), обора (стойло, хлѣвъ), кундысь (дворовая собака), бадавія (конь, лошадь), валахъ (меринъ, — встрѣчается и въ малорусскомъ языкѣ, между прочимъ въ фамильныхъ названіяхъ), дрыкгантъ (жеребець), лектыкъ (носилки), шафаръ (ключникъ, экономя), уфане (упованіе), встеклый (бѣшеный), хелпнть (гордиться), отуха (бодрость, мужество), кукгловать (кривляться, шалить). Внимательный разборъ лексической стороны Пославіи и Зачапки Юанна Вышенскаго можетъ послужить предметомъ особаго, строго филологическаго изслѣдованія. Такого рода изслѣдованіе представитъ тѣмъ больший интересъ, если въ него войдутъ всѣ южнорусскіе литературные памятники конца XVI и пачала XVII столѣтій, включительно съ «словено-россійскимъ лексикономъ». Памвы Беринды, который при подобнаго рода филологическомъ трудѣ, разумѣется, долженъ играть видную роль и занять въ изслѣдованіи первое и главное мѣсто.

Н. В. Сумцовъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 4-го апрѣля 1885 года.

Кіевъ, Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., собств. домъ.

ОПЕЧАТКИ.

	<i>Напечатано:</i>		<i>Должно быть:</i>
Страниц.	1 стр.	1 нападаетъ	попадаетъ.
"	1 "	1 палочку	полочку.
"	3 "	21 опроверженіе	опроверженіе.
"	4 "	13, 16, 20, 27 Зачанка	Зачанка.
"	5 "	2 „Образа“	„Обзора“ арх. Филарета.
"	9 "	23 мать	маиь.
"	11 "	26 скужаное	скураное.
"	12 "	6 православные монастыре	православное монастыство.
"	14 "	21 миской	миской.
"	14 "	24 каптуреници	каптуроноси.
"	14 "	31 раздоръ бары	раздоръ.
"	17 "	25 ихъ	народа.
"	20 "	14 панеза	панеза.

Въ Петербургѣ въ книжныхъ магазинахъ «Вѣстника Европы» и «Новаго Времени» и въ Харьковѣ въ книжныхъ магазинахъ Хавкина

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ СОЧИНЕНІЯ Н. Э. СУМЦОВА:

- 1) Князь В. О. Одоевскій. 1884 г. Цѣна 60 коп.
- 2) Лазарь Барановичъ. 1885 г. Цѣна 1 р. 50 коп.
- 3) Іоаннѣй Галатовскій. 1884 г. Цѣна 80 коп.
- 4) Іннокентій Гизель. 1884 г. Цѣна 50 коп.
- 5) Новѣйшая воззѣя, какъ образовательное средство для крестьянъ. 1884 г. Цѣна 25 коп.
- 6) Характеристика южно-русской литературы XVII в. 1885 г. Цѣна 40 коп.
- 7) Религіозно-мнѣнческое значеніе малорусской свадьбы. 1885 г. Цѣна 40 коп.
- 8) Обрядовое употребленіе хлѣба. 1885 г. Цѣна 1 р. 50 коп.
- 9) Губернскія Вѣдомости, какъ пособіе при изученіи исторіи. 1885 г. Цѣна 20 коп.
- 10) Іоаннъ Вышенскій. 1885 г. Цѣна 40 коп.

РАСПРОДАНЫ:

- 1) Исторія колдовства въ Западной Европѣ. 1878 г.
- 2) О родивныхъ обрядахъ.
- 3) О свадебныхъ обрядахъ (магистерская диссертація).
- 4) Слободско-украинское дворянство въ произведеніяхъ Г. Э. Квитки.

